

М. Веч. Москва. 25/1331

Кочарьян — не просто чтец. Он актер. И отличный, темпераментный актер. Бывший воспитанник армянской московской студии теперь — признанный вполне заслуженно премьер 1-го гостеатра Армении.

Москва видела его на театральной олимпиаде, где он был одинаково убедителен и в классическом «Пепе» Сундукянца, и в «Ярости» Яновского.

Актер вообще неохотно выходит на эстраду. Но Кочарьян эстрады не боится. Он не только знает, но остро чувствует большие возможности камерного словесного мастерства.

Показать родную литературу в ее лучших кадрах, в избранных отрывках, осмысленных часто по-новому, дать почувствовать творческий рост этой литературы от глубочайших истоков ее, от сказа народных ашугов и рассказчиков в чайхане и «Ода» — вот большое культурное задание, ради которого стоит всерьез и надолго вступить на эстрадные подмостки.

А на эстраде в помощь чтецу-Кочарьяну приходит Кочарьян-актер.

От него—это кресло, дающее возможность некоторых «мизансцен», создающее настроение углубленности и простой интимности. От актера же—четкая мимика, позировка и осознанный жест...

Актера в Кочарьяне успешно дополняет чтец. Отсюда—литературный вкус, неплохая техника монтажа материала, выразительная дикция, неутомимый, звучный и достаточно гибкий голос.

Таков «Закушняк Армении», за сравнительно короткое время сделавший популярным искусство художественного чтения с эстрады в Армении.

Сейчас Кочарьян в Москве.

Уже состоявшиеся вечера его троизводят самое отрадное впечатление.

Программы Кочарьяна — результат упорной, серьезно продуманной и отчетливо сделанной работы. Знание родной литературы помогло артисту сделать в целом хороший отбор: от плавных классических стихов Туманяна до синкопических строк Черенца. Правда, показанный репертуар обнаруживает некоторые пробелы. Неужели классика Армении исчерпывается Туманяном?

Проза вообще в репертуаре Кочарьяна несколько в загоне. Программа явно перегружена поэзией. Но и современная поэзия также представлена не широко. Непонятно, например, отсутствие в репертуаре старейшего пролетарского поэта Акопа Акопяна.

Артисту следует отрешиться от некоторой излишней «домашности», которая зачастую неуловимо подменяет у него строгую камерную интимность, и приводит к неряшливости и в жёсте, и в тоне.

Но не может быть никакого сомнения, что Кочарьян вполне достоин широкой московской аудитории, которую не может смутить незнание языка актера.

Мастерство всегда дойдет. А Кочарьян—бесспорный мастер.